

## Обзор теории комплексов

Современная психология имеет нечто общее с современной физикой, а именно, ее метод гораздо больше признается интеллектом, нежели сам предмет. Этот предмет, психе, настолько разнообразен в своих проявлениях, настолько неопределен и волен, что даваемые ему определения трудно, если вообще возможно, интерпретировать, в то время как определения, основанные на способе наблюдения и вытекающем из этого методе, вполне — по крайней мере, с необходимостью — представляются известным количеством. Психологическое исследование основывается на этих эмпирически или произвольно определенных факторах и рассматривает психе в рамках их изменений. Таким образом, психе воспринимается как нарушение возможной схемы поведения, установленной тем или иным методом. Эта процедура *sit grano salis* (С известной долей иронии. — Прим. перев.) характерна для естественных наук в целом.

Является очевидным, что при таких обстоятельствах почти все зависит от метода и его исходных положений, и что они в значительной степени определяют результат. Действительный объект исследований, конечно, играет определенную роль в этом вопросе, но он не может вести себя как самостоятельное существо, не потревоженное и находящееся в своих естественных условиях. Таким образом, в экспериментальной психологии, и особенно в психопатологии, давно уже признано, что каждая конкретная экспериментальная процедура не принимает психический процесс непосредственно, но определенное психическое состояние интерполирует себя между этим процессом и экспериментом, каковой можно назвать экспериментальной ситуацией». Эта психическая «ситуация» иногда может подвергнуть опасности весь эксперимент, ассимилируя не только процесс эксперимента, но и лежащие в его основе цели. Под «ассимиляцией» мы понимаем отношение субъекта, который неверно интерпретирует эксперимент, потому что изначально имеет непреодолимую тенденцию принимать его за интеллектуальный тест, так сказать, или нескромную попытку заглянуть за кулисы. Такое отношение маскирует процесс, который экспериментатор силится рассмотреть.

Опыт подобного рода является вполне обычным для ассоциативных тестов, в ходе которых выяснилось, что несмотря на направленность теста на определение средней скорости реакции и ее качества, этот результат получился относительно побочным по сравнению с тем, в какой степени метод был нарушен автономным поведением психе, то есть ассимиляцией. Именно так я открыл чувственно-окрашенные комплексы, которые ранее воспринимались как несостоятельность реакции.

Открытие комплексов и феномена ассимиляции, вызываемого ими, достаточно ясно показало, несостоятельность старой точки зрения — отсылающей к Кондиллаку — которая допускала изучение изолированных психических процессов. Не существует изолированных психических процессов, как не существует изолированных жизненных процессов; во всяком случае, ничего не удалось достичь их экспериментальным изолированием (Исключением из этого правила являются процессы роста тканей, жизнь которых поддерживается в питательной среде. — К.Г.Юнг.). Только лишь с помощью специальной тренировки внимания и сосредоточения субъект может изолировать процесс таким образом, что он станет отвечать требованиям эксперимента. Но это уже другая «экспериментальная ситуация», отличающаяся от ранее описанной тем, что теперь влияние ассимилирующего комплекса преодолено сознательным мышлением, в то время как раньше это осуществлялось более или менее бессознательными низшими комплексами.

Все это совершенно не означает, что ценность эксперимента подвергается сомнению в каком-либо фундаментальном смысле, а только лишь критикуется его ограниченность. В царстве психофизиологических процессов — например, сенсорного восприятия или двигательных реакций, когда цель эксперимента явно безобидна — преобладают чисто

рефлекторные механизмы, а если и есть ассимиляции, то число их незначительно, и явных нарушений эксперимента не наблюдается. В сфере же более сложных психологических процессов дело обстоит иначе, в этом случае психологическая процедура не исключает некоторые определенные возможности. Здесь, где исчезают все препоны, расставляемые специфическими целями, появляются неограниченные возможности, с самого начала создающие психологические ситуации, называемые «конstellацией» (Буквально — «созвездие». — Прим. перев.). Этот термин просто описывает тот факт, что внешние обстоятельства высвобождают психический процесс, в ходе которого определенное содержание накапливается и дает толчок действию. Когда мы говорим, что личность «конstellирована», мы имеем ввиду, что она заняла позицию, исходя из которой, как следует ожидать, она будет реагировать определенным образом. Но конstellация является автоматическим процессом, который происходит невольно, и который невозможно остановить по собственному желанию. Конstellированные содержания представляют собой определенные комплексы, обладающие своей собственной специфической энергией. Если рассматриваемый эксперимент является ассоциативным тестом, комплексы будут воздействовать на него, в значительной степени вызывая нарушения реакции, или — что реже — скрываясь за определенным типом реакций, который, тем не менее, можно распознать исходя из того, что он больше не соответствует смыслу тестового слова. Образованные субъекты с сильной волей могут посредством вербально-моторных способов замаскировать значимость тестового слова коротким временем реакции, так что слово вообще не достигает их. Но это срабатывает только в том случае, когда действительно важные личные тайны подлежат защите. Искусство Талейрана использовать слова для сокрытия мысли дано немногим. Недалекие люди, в особенности если это женщины, защищают себя посредством ценностных утверждений. Это часто создает весьма комический эффект. Ценностные утверждения являются атрибутами чувств, такими, как красивый, хороший, дорогой, милый, дружелюбный, и т. д. В ходе беседы можно заметить, как некоторые люди находят все интересным, очаровательным, хорошим, восхитительным, или — если они англичане — изящным, изумительным, великолепным, блестящим и (особенно часто) обворожительным, и все это служит для сокрытия полного отсутствия у них интереса или для удержания объекта на расстоянии. Но подавляющее большинство субъектов не может предотвратить ущемления комплексов на определенных тестовых словах, и раскрашивает их различными симптомами беспокойства, главным из которых является задержка реакции. Можно также комбинировать эти эксперименты электрическими измерениями сопротивления, которыми пользовался Ферагут (*Das psycho-galvanische Reflexphänomen*), когда так называемый феномен психо-гальванического рефлекса дает еще одну возможность зафиксировать нарушение реакции по вине комплекса.

Ассоциативный тест представляет в этом смысле наибольший интерес, поскольку он, как никакой другой сравнительно простой психологический эксперимент, воспроизводит психическую ситуацию диалога, и в то же время делает возможным точные количественные и качественные оценки. Вместо вопросов в виде определенных предложений, субъект сталкивается с туманными, двусмысленными, и, следовательно, приводящими в замешательство тестовыми словами, и вместо ответа он должен отреагировать одним словом. Посредством точных наблюдений за нарушениями реакций, вскрываются и отмечаются факты, которые часто пропускаются в обычной беседе, и это дает нам возможность открыть то, что указывает на невысказанную основу, на те состояния готовности или конstellации, о которых я упоминал ранее. То, что происходит во время ассоциативного теста, происходит всегда во время диалога. В обоих случаях мы имеем дело с психологической ситуацией, которая конstellирует комплексы, ассимилирующие предмет разговора или ситуацию в целом, включая участвующие стороны. Беседа теряет свой объективный характер и свою реальную цель, поскольку конstellирующие комплексы ломают намерения говорящих, и могут даже вложить в их уста ответы, которые они впоследствии не помнят. Этот факт используется на практике во время перекрестного

допроса свидетелей. Его эквивалентом в психологии является так называемый эксперимент повтора, который обнаруживает и локализует провалы в памяти. Скажем, после сотни реакций-ответов, субъекта спрашивают, какие именно ответы он давал на отдельные тестовые слова. Провалы или фальсификации памяти проявляются с умеренной регулярностью во всех сферах ассоциаций, нарушенных комплексами.

Итак, я намеренно избегал обсуждения природы комплексов, основываясь на предположении, что их природа в общем известна. Слово «комплекс» в его психологическом смысле проникло в обиходную речь как в немецком, так и в английском языках. Сейчас всем известно, что люди «обладают комплексами». Не так хорошо известен, хотя намного более важен с точки зрения теории тот факт, что комплексы могут обладать нами. Существование комплексов бросает тень серьезного сомнения на наивное предположение о единстве сознания, которое отождествляется с «психе», и на верховенство воли. Всякая констелляция комплексов постулирует нарушение сознания. Единство сознания подорвано и волевая направленность затруднена или вообще невозможна. Даже память, как мы видели, часто подвергается его заметному воздействию. Комплекс, следовательно, является психическим фактором, в энергетическом смысле обладающим весомостью, которая часто превосходит по величине сознательные намерения, иначе подобные нарушения в организации сознания были бы невозможны. Фактически, активный комплекс тут же загоняет нас в состояние принуждения, состояние компульсивного мышления и действия, для которого при соответствующих обстоятельствах единственным подходящим определением может стать юридическая концепция ослабленной ответственности.

Чем же, наконец, является с научной точки зрения «чувственно-окрашенный» комплекс? Это образ определенной психической ситуации, которая сильно эмоционально акцентуирована, и к тому же несовместима с привычной позицией сознания. Этот образ имеет мощное внутреннее соответствие, и присущую только ему целостность, и, вдобавок, относительно высокий уровень автономности, а значит подлежит только ограниченному контролю сознательной мысли, и ведет себя как одушевленное чужеродное тело в сфере сознания. Комплекс обычно подавляется усилием воли, но его существование не подвергается серьезной опасности, и при первой же возможности проявляется с прежней силой. Определенные экспериментальные исследования показывают, что кривая его активности или интенсивности имеет волнообразный характер, с «длиной волны» в несколько часов, дней, или недель. Этот очень сложный вопрос еще толком не прояснен.

Мы должны выразить благодарность французским психиатрам, в частности Пьеру Жане, за наше сегодняшнее знание состояния экстремальной разорванности сознания. Жане и Мортон Принс достигли успеха в представлении расколов личности на три или четыре части, и выяснилось, что каждый ее фрагмент имеет свой специфический характер и собственную независимую память. Эти фрагменты сосуществуют относительно независимо друг от друга, и могут взаимозамещаться в любой момент времени, что означает высокую степень автономности каждого фрагмента. Мои изыскания в области комплексов подтверждают эту довольно неутешительную картину возможностей психической дезинтеграции, потому что не существует фундаментальных отличий между фрагментом личности и комплексом. Они имеют все общие специфические черты, вплоть до того момента, когда мы переходим к деликатному вопросу фрагментарного сознания. Фрагменты личности, без сомнения, обладают своим собственным сознанием, но пока без ответа остается вопрос, обладают ли такие небольшие фрагменты психики, как комплексы, собственным сознанием. Должен признать, что этот вопрос часто занимает мои мысли, поскольку комплексы ведут себя подобно Декартовым чертям, и, похоже, получают удовольствие от своих проделок. Они подсовывают не то слово в чей-то рот, они заставляют забыть имя человека, которого как раз кому-то надо представить, они вызывают зуд в горле как раз в момент самого тихого фортепьянного пассажа во время концерта, они заставляют позднего визитера, крадущегося на цыпочках, перевернуть с грохотом стул. Они заставляют нас поздравлять с чем-то людей на похоронах, вместо того, чтобы выразить соболезнование,

они подстрекают нас на все то, что Ф.Т.Фишер приписывает «непослушному объекту» (См. Auch Einer.). Они являются действующими лицами наших снов, с которыми мы так самоотверженно сражаемся; они — эльфы, так ярко описанные в датском фольклоре в истории о пасторе, который пытался обучить двух из них молитве. Они прилагали страшные усилия, чтобы вслед за ним повторять слово в слово, но после каждого предложения они не забывали добавить: «Наш отец, который не на небесах». Как можно догадаться, с теоретической точки зрения комплексы необучаемы.

Я надеюсь, что принимая это с известной долей иронии, никто не станет сильно возражать против этой метафорической парафразы научной проблемы. Но даже самая трезвая оценка феноменологии комплексов не может обойти поразительный факт их автономии, и чем глубже проникаешь в их природу, — я бы даже сказал, в их биологию, — тем больше они раскрывают себя как осколочные психе. Психология снов вполне ясно нам показывает, как комплексы проявляются в персонифицированном виде, когда отсутствует сдерживающее сознание, подавляющее их, в точности напоминая фольклорных домовых, которые ночной порой шкодят в доме. Мы наблюдаем аналогичный феномен при некоторых психозах, когда комплексы становятся «слышны» и проявляют себя как «голоса», имеющие сугубо личностный характер.

Сегодня мы почти с уверенностью принимаем тот факт, что комплексы на самом деле являются осколочными психе. Этимологией их происхождения зачастую является так называемая травма, эмоциональный шок или нечто подобное, что откалывает небольшой кусочек психе. Естественно, одной из наиболее распространенных причин служит моральный конфликт, целиком возникающий из относительной невозможности полного самоутверждения сущности субъекта. Такая невозможность предполагает непосредственный раскол, независимо от того, известно ли об этом сознанию, или нет. Как правило, любой комплекс играет заметную роль в бессознательном, что, естественно, в той или иной степени гарантирует ему свободу действий. В подобных случаях его могущество в процессе ассимиляции становится особенно заметным, поскольку бессознательное помогает комплексам ассимилировать даже эго, в результате чего возникает мгновенное изменение личности, известное как идентификация с комплексом. В Средневековье это имело другое название: одержимость. Вероятно, никто не сочтет такое состояние безвредным, но, фактически, не существует принципиальной разницы между оговоркой, вызванной комплексом, и страшнейшим богохульством: разница заключается лишь в степени проявления. История языка дает нам бесчисленное множество примеров. Когда кто-нибудь испытывает сильный эмоциональный кризис, мы говорим: «Какой черт вселился в него сегодня?» «В него вселился дьявол», «в нее вселилась ведьма» и т. д. Используя эти довольно затертые метафоры, мы практически не задумываемся над их подлинным значением, хотя оно лежит на поверхности и отчетливо указывает на тот факт, что наивные или более примитивные люди не «психологизируют» вызывающие нарушения комплексы подобно нам, а рассматривают их как вполне самостоятельные существа, или как демонов. Затем уровни развития сознания создали настолько интенсивные эго-комплексы и эго-сознания, что комплексы лишились своей первоначальной автономии, как минимум в обыденной речи. Как правило, индивид говорит: «У меня есть комплекс,» или же предостерегающий голос доктора увещевает пациента-истерика: «Ваша боль не существует в действительности, вы просто вообразили, что она вам досаждаёт». Страх заражения, несомненно, является вольной фантазией пациента, и всяк старается убедить его, что он сам является автором галлюцинирующей идеи.

Нетрудно заметить, что, как правило, современная концепция проблемы решает ее исходя из факта, будто бы комплекс создан, или «придуман» пациентом, и что он не существовал бы вовсе, если бы пациент не приложил усилия к его претворению в жизнь. В противовес этому, в последнее время было доказано, что комплексы обладают значительной степенью автономности, и что органически недиагностируемые, и, так сказать, «воображаемые» боли так же сильны, как и настоящие, и что страх заболевания не имеет ни

малейшей склонности к исчезновению, даже если сам пациент, его доктор, и повседневная речь объединятся, утверждая, что это не более, чем «воображение».

Здесь мы имеем интересный пример «апотропного» (Отвращающего беду. «Прим. ред.) мышления, которое полностью соответствует эвфемистическим именам, даваемым древними, классический пример чему являет «гостеприимное море». Точно так же, как Эринии («Фурии») назывались, весьма предусмотрительно и угодливо, Эвменидами («Благосклонными»), так и современный разум воспринимает все внутренние нарушения как свою собственную активность: он просто ассимилирует их. Это не делается, конечно, с открытым признанием апотропного эвфемизма, но с не менее бессознательной тенденцией сделать автономность комплекса нереальной, давая ей другое имя. Сознание ведет себя подобно человеку, услышавшему подозрительный шум на чердаке, и бегущему в подвал с целью убедить себя, что там нет грабителя, и шум был просто плодом его воображения. Фактически же ему не хватило духу подняться на чердак.

Не очевиден факт, что страх послужил мотивом, заставившим сознание объяснять комплексы как собственную активность. Комплексы кажутся настолько тривиальными, такими глупыми «ничтожествами», что мы явно стыдимся их, и делаем все возможное, чтобы их скрыть. Но если бы они на самом деле были столь «ничтожны», они не были бы столь болезненны. Болезненные, значит, причиняющие боль — нечто чрезвычайно неприятное, а, следовательно, весьма важное и заслуживающее серьезного отношения. Но мы всегда готовы сделать что-либо неприятное нереальным — насколько это возможно. Невротическая вспышка сигнализирует о том моменте, когда это уже невозможно осуществить примитивными магическими средствами апотропных жестов и эвфемизмов. С этого момента комплекс утверждается на поверхности сознания; его уже нельзя обходить, и он продолжает шаг за шагом ассимилировать эго-сознание, в точности как раньше эго-сознание пыталось ассимилировать его. Это в конечном счете приводит к невротической диссоциации личности.

Такое развитие раскрывает комплекс в его изначальной мощи, которая, как я уже говорил, иногда превосходит даже силу эго-комплекса. Только потом человек в состоянии понять, что у эго был прямой смысл упражняться на комплексах в магии имен, потому что вполне очевиден факт, что то, чего я боюсь, весьма злобно и грозит поглотить меня. Существует большое количество людей, причисляемых к нормальным, со «скелетом в шкафу», о существовании которого нельзя упомянуть, чтобы не причинить им смертельную боль, так велик их страх перед сокровенным призраком. Все те люди, находящиеся на стадии делания своих комплексов нереальными, всякое упоминание невроза воспринимают как применимое к явно патологическим личностям, к категории которых они, конечно, не относятся. Как будто привилегия быть больными принадлежит только больным!

Тенденция делать комплексы нереальными путем ассимиляции не доказывает их пустячность, но напротив, говорит об их важности. Это негативное признание инстинктивного страха, который первобытный человек испытывает к предмету, движущемуся в темноте. Что касается примитивного человека, этот страх фактически появляется с приходом темноты, точно так же, как в нашем случае комплексы приглушены в дневное время, а ночью поднимают головы, прогоняя сон, или заполняя его кошмарами. Комплексы являются объектами внутреннего опыта, которые не встретишь на улице или в людных местах. Благодаря им и счастье, и горе личной жизни становятся глубже; они лары и пенаты, ожидающие нас у камелька, чье миролюбие опасно превозносить; они — «маленький народ», проделки которого тревожат нас ночью. Естественно, когда несчастье случается с нашими соседями, оно ничего не значит; но когда оно угрожает нам — тут уже необходим врач, чтобы оценить, какой же страшной угрозой может стать комплекс. Только когда вы повидали целые семьи, разрушенные комплексами морально и физически, и к какой беспримерной трагедии и безысходному горю могут они привести, вы сможете почувствовать всю силу реальности комплексов. Тогда вы поймете, насколько безответственно и не научно мнение, будто личность может «вообразить» комплекс.

Подбирая медицинское сравнение, лучше всего вспомнить об инфекционных заболеваниях или злокачественных опухолях, которые также развиваются без малейшего участия сознательной мысли. Это сравнение все же не полностью адекватно, потому что комплексы не вполне патологичны по своей природе, но являются характерными выражениями психе, безотносительно того, дифференцирована ли психе, или же примитивна. Следовательно, мы безошибочно находим их следы у всех народов и во все эпохи. Старейшие письменные памятники свидетельствуют об этом; эпос о Гильгамеше мастерски описывает психологию комплекса силы, а Книга Товит в Ветхом Завете предлагает нам историю эротического комплекса вместе со способом его лечения.

Универсальная вера в духов является прямым выражением комплексной структуры бессознательного. Комплексы поистине являются живыми единицами бессознательной психе, и только основываясь на них, мы можем делать выводы о ее существовании и конституции. Бессознательное могло бы стать — согласно психологии Вундта — не более, чем рудиментом туманных или «скрытых» представлений, или «рудиментом сознания», как это называет Уильям Джеймс, если бы не помешал факт существования комплексов. Именно по этой причине Фрейд стал первооткрывателем бессознательного, — ведь он не просто опускал темные места в психологии, а исследовал их, простите за пренебрежительный эвфемизм, как «не оправданные с практической точки зрения». *Via regia* (Прямая дорога. — Прим. перев.) бессознательному, все же не сновидения, как принято считать, а комплексы, которые являются архитекторами снов и различных симптомов. Тем не менее, эта дорога не столь «пряма», поскольку путь, указанный комплексом, больше похож на заросшую и очень извилистую тропу, часто теряющуюся в подлеске и ведущую не столько в сердце бессознательного, сколько за его пределы.

Боязнь комплексов является плохим указателем, поскольку, все же, указывает не на бессознательное, а опять-таки на сознание. Комплексы настолько неприятны, что никто по собственной воле не согласится с тем, что поддерживающие их силы способны на что-либо положительное. Сознание неизменно уверено в том, что комплексы представляют собой нечто непристойное, и, таким образом, от них следует тем или иным способом избавиться. Несмотря на неопровержимые доказательства того, что все типы комплексов существовали всегда и повсюду, люди не могут заставить себя рассматривать их как естественный феномен жизни. Боязнь комплексов есть укоренившееся предубеждение, благодаря суеверному ужасу перед всем, что неблагоприятно и неподвластно нашему пресловутому просветлению. Этот страх является причиной сильнейшего сопротивления в период изучения комплексов, и необходима неординарная решительность для того, чтобы преодолеть его.

Страх и сопротивление являются указателями на прямом пути к бессознательному, и совершенно очевидно, что то, на что они изначально указывают, является предвзятым мнением об этом самом предмете. Абсолютно естественно, что из-за чувства страха человек должен сделать заключение о кроющейся тут опасности, и, на основании желания сопротивляться, предположить здесь нечто отталкивающее. Пациенты поступают именно так. Так же поступает и широкая публика, и в конце концов, аналитик поступает точно таким же образом, чем и объясняется тот факт, что первой медицинской теорией бессознательного стала теория подавления, разработанная Фрейдом. Выводя сознание *a posteriori* (На основе опыта.? Прим. перев.) из природы комплексов, такой взгляд естественным образом рассматривает бессознательное как нечто составленное исключительно из несовместимых тенденций, подавленных по причине их аморальности. Ничто не может служить более убедительным доказательством того, что обладатель такого взгляда следовал чисто эмпирическим путем, и ни в малейшей степени не был подвержен влиянию философских рассуждений. Разговоры о бессознательном начались задолго до Фрейда. В философии впервые эту идею представил Лейбниц; Кант и Шеллинг также высказывали свое мнение по этому поводу, а Карус развил целую систему, на основе которой фон Гартманн построил зловещую Философию Бессознательного. Первая же медико-психологическая теория бессознательного имела столь же мало общего со своими предшественницами, как и с

Ницше.

Теория Фрейда являет искреннее выражение опыта, накопленного им в период изучения комплексов. Но поскольку подобное исследование всегда является диалогом, при построении теории следует рассмотреть не только комплексы одной из сторон, но также и другой. Всякий диалог, приводящий на территорию, ограждаемую страхом и сопротивлением, угрожает чему-то жизненно важному и заставляет одну из сторон интегрировать свою целостность, другая сторона вынуждена занимать более широкую позицию. Она так же направляется к большей цельности, потому что иначе не сможет проталкивать диалог все глубже и глубже в охваченные страхом территории. Никакой исследователь, каким бы непредвзятым и объективным он ни был, все-таки не может позволить себе не учитывать собственные комплексы, поскольку те обладают не меньшей автономией, чем комплексы всех остальных людей. Фактически, он не может игнорировать их, потому что они не игнорируют его. Комплексы являются неотъемлемой частью психической конституции, каковая есть наиболее предвзятая вещь в каждом индивиде. Эта конституция, таким образом, безапелляционно решает, какого же психологического взгляда станет придерживаться данный наблюдатель. В этом и заключается неизбежная ограниченность психологического наблюдения: его ценность пропорциональна личным качествам наблюдателя.

Следовательно, психологическая теория прежде всего формулирует психологическую ситуацию, которая возникла посредством диалога между неким частным наблюдателем и некоторым числом наблюдаемых личностей. Поскольку диалог ведется, в основном, в сфере сопротивления, вызванного комплексами, характер этих комплексов с необходимостью оказывается связанным с теорией, и это приводит к тому, что она становится в прямом смысле слова оскорбительной, так как основана на публичных комплексах. Вот почему все современные психологические концепции не только противоречивы в смысле объективности, но и провокационны. Они заставляют публику весьма сильно высказываться против, или же за нее, а в научных дискуссиях это приводит к эмоциональным спорам, вспышкам догматизма, личным оскорблениям, и так далее.

Из всего этого нетрудно заключить, что современная психология своими исследованиями комплексов вскрыла табуированную область психики, опутанную страхами и надеждами. Комплексы представляют собой реальный центр психического беспокойства, и его влияние простирается настолько далеко, что у исследователей-психологов в данный момент нет надежды продолжать свою работу спокойно, поскольку это предполагает некоторую согласованность научных мнений. Но психология комплексов в настоящее время очень далека от подобного согласия, и я бы даже сказал, дальше, чем это представляют себе пессимисты. Поэтому что с открытием несовместимых тенденций рассматривается только один сектор бессознательного, и открывается только один источник страха.

Без сомнения, хорошо запомнится повсеместно разыгравшийся шторм негодования, когда были обнародованы работы Фрейда. Эта мощная реакция публичных комплексов привела Фрейда к изоляции, что дало догматический заряд ему и его школе. Все психологи-теоретики, работающие в этой области, подвергаются такому же риску, потому что играют с тем, что напрямую связано с неподдающимися контролю силами в человеке — *pnuminosum*, как весьма удачно выразился Рудольф Отто. Где начинается царство комплексов, там заканчивается свобода эго, потому что комплексы являются психическими агентами, чья глубинная природа пока остается неразгаданной. Всякий раз, когда исследователь добивается успеха в продвижении вперед к психическому *tremendum* (Внушающее трепет (лат.) — Прим. перев.) возникает публичная реакция, точно как это происходит с пациентами, когда их в терапевтических целях вынуждают бороться с неприкосновенностью комплексов.

Для непосвященного мое представление теории комплексов, вероятно, звучит как описание примитивной демонологии или психологии табу. Этот специфический оттенок возник благодаря тому факту, что существование комплексов, отколовшихся психических

фрагментов, является весьма ощутимым остаточным явлением первобытного состояния мышления. Примитивный разум отмечен высокой степенью диссоциативности, выражающей себя, например, в том, что примитивные люди убеждены в наличии у них нескольких душ — в определенном случае даже шести — не считая огромного количества богов и духов, которые не просто являются предметами рассуждений, как в нашем случае, а зачастую весьма впечатляющим психическим опытом.

Я бы хотел использовать возможность отметить, что я употребляю термин «примитивный» в смысле «первичный», и что я не присваиваю ему никакой качественной оценки. Также, когда я говорю об «остаточных явлениях» примитивного состояния, я совершенно не имею в виду, что оно [это состояние] должно когда-либо закончиться. Напротив, я не вижу причины, по которой его существование не могло бы длиться весь период существования человечества. К тому же, в любом случае, оно не претерпело особых изменений, а с Мировой войной и ее последствиями даже возникло значительное усиление его проявлений. По этой причине я склоняюсь к мнению, что автономные комплексы есть нормальные явления жизни, и они составляют структуру бессознательной психе.

Как вы видите, я уделил основное внимание описанию лишь особенностей теории комплексов. Тем не менее, я должен предостеречь вас от завершения этой неполной картины, подчеркнув сложности, возникающие из факта существования автономных комплексов. Вам придется столкнуться с тремя важными аспектами проблемы: терапевтическим, философским и моральным. Все три ожидают своей очереди.



С любовью,  
электронная библиотека  
[Theosophy-Books.org](http://Theosophy-Books.org)

